

МАСТЕРА
УРАСОВ

JOHN LANGAN

HOUSE
OF WINDOWS

МАСТЕРА
ЧАСОВ

ДЖОН ЛЭНГАН

ДОМ ОКОН

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
АНАСТАСИИ КОЛЕСОВОЙ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111
ББК 84(7Сое)
Л92

Серия «Мастера ужасов»

John Langan
HOUSE OF WINDOWS

This edition is published by arrangement
with Curtis Brown Ltd. and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского: *Анастасия Колесова*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *Михаила Емельянова*

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

Лэнган, Джон

Л92 Дом окон / Джон Лэнган.— Москва: Издательство
АСТ, 2020.— 635, [3] с.— (Мастера ужасов).

ISBN 978-5-17-113559-1

Когда Роджер Кройдон, профессор английской литературы и знаменитый исследователь творчества Чарльза Диккенса, бесследно исчезает, все подозрения падают на его молодую жену, Веронику Кройдон. Вдова хранит молчание, пока в поместье Кройдонов, странный и загадочный Дом Бельведера, не приезжает молодой автор хорроров и не становится невольным слушателем ее исповеди. То, что он узнает, станет самой необычной и зловецей историей о доме с привидениями, о сделке с преисподней, о проклятиях, о необычных формах жизни и иных мирах. Историей, чьи истоки уходят в глубь веков, а география простирается от маленького городка в долине Гудзона до Афганистана.

© John Langan, 2009

© Анастасия Колесова, перевод, 2020

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Все имена, персонажи, места и события,
представленные в данной книге,
являются вымышленными.

Любые совпадения с реальными личностями
(живыми или умершими), событиями и местами
являются случайными.

Посвящается Фióне

БЛАГОДАРНОСТЬ

Первый черновик романа был написан в нашей крошечной прачечной в доме, где я жил со своей женой и тогда еще новорожденным сыном. Как и все новоиспеченные родители, мы мало спали и были постоянно напряжены. И все же каждое утро, иногда час, иногда полтора или два, Фиона занималась Давидом, пока я работал над созданием еще одной страницы, которая бы присоединилась к стопке на моем пошатывающемся столе. После, когда рукопись была закончена и напечатана, Фиона прочла ее и высказала свое мнение. Дважды. На тот момент я не был так глубоко благодарен ей, как следовало бы. И без поддержки моей жены эта книга никогда бы не была выпущена. Спасибо, любимая.

Как только роман был закончен, его прочло много людей: мой младший брат Роб, Джон Джозеф Адамс, Кит Бадовски и Хелен Пилиновски, — все они высказали слова поддержки и одобрения, в которых я зачастую очень нуждался. Первой

БЛАГОДАРНОСТЬ

7

части романа пошли на пользу точные критические замечания писательского кружка Уолкилла, в который входят Бретт Кокс, Хайнц Инсу Фенкл, Розеда Молина, Вероника Шанос и Роберт Во (и его жена Каппа, обладающая ангельским терпением). Благодаря их безжалостным комментариям, в книге стало на пятьдесят процентов меньше точек с запятой.

Этот роман был своеобразной передышкой от написания другого произведения. Когда я осознал, что текст, запланированный изначально как новелла, превращается в целый роман, мой агент, Джинджер Кларк, без колебаний приняла подобные изменения, несмотря на то, что они в корне меняли наш намеченный план работы. Джинджер боролась за эту книгу с самого начала, и во многом благодаря ей вы и читаете сейчас эти слова.

Найти дом для этой книги было непросто: любителям жанра ужасов не нравились литературоведческие вставки, а литературоведам пришлось не по вкусу ужасы. Джереми Лассен из издательства Night Shade Books прочел роман, понял и высоко оценил то, что я в него вложил, и приобрел рукопись. Было бы преуменьшением сказать, что я благодарен ему, особенно потому, что Night Shade Books публикует работы таких прекрасных писателей, как Лэрд Баррон, Грэм Джойс, Джоэл Лейн и Люциус Шепард. Приятно видеть себя в одном ряду с такими именами. Я также в долгу перед

Джон Лэнган. ДОМ ОКОН

Россом Локхартом за то, что он терпел мои безумные требования.

Моя семья — мои сыновья Ник и Давид, моя мама, мои братья и сестры (родные и двоюродные), племянники и племянницы — не переставая оказывали значительную поддержку. Дружба с Лэрдом Барроном, Майком Циско, Сарой Лэнган и Полом Тремблей также оказала большое влияние на роман. За последние годы я слышал добрые слова и от более известных писателей, среди которых Брайан Эвенсон, Джефффри Форд, Элизабет Хэнд и Люциус Шепард. И за это я им очень признателен.

И, наконец, это ты, читатель; кем бы ты ни был, ты уделил мне свое время и внимание — два самых ценных ресурса. Без тебя этого романа быть не могло, и я благодарен тебе за это. А теперь возьми меня за руку, и я постараюсь предложить тебе взамен нечто достойное.

Образ сестры, неподвижной в своем кресле у огня, преследовал меня днем и ночью. Мысль, что ее место в кухне опустело, просто не укладывалась в голове; и хотя последнее время я почти не думал о ней, теперь мне постоянно чудилось, что она идет мне навстречу по улице или вот-вот постучит в дверь. Даже в нашу квартирку, с которой она уж никак не была связана, вошла пустота смерти, и мне постоянно мерещилось то лицо сестры, то звук ее голоса, словно она была жива или при жизни часто здесь бывала.

Чарльз Диккенс. Большие надежды

Думая только об одном, он по-прежнему видел перед собой одно безжалостное чудовище. Все предметы взирали мрачно, холодно и мертвенно на него, а он — на них. Во всем он находил напоминание о своем горе. Все, все без исключения выступало, бессовестно торжествуя над ним, и раздражало и задевало его гордость и ревность, какую бы форму ни принимало, — и сильнее всего, когда оно разделяло с ним любовь к его умершему мальчику и память о нем.

Чарльз Диккенс. Домби и сын

ПРЕЛЮДИЯ
ИСТИННОЕ ЛИЦО

— Все меня спрашивают, что я думаю о том, что случилось с Роджером,— сказала Вероника Кройдон,— и, если в ту же секунду я не даю ответа, все с радостью начинают предлагать собственные варианты. Может, у него случился инфаркт во время прогулки? Как будто у полиции не было подобной версии, и все эти обширные поиски в лесу устраивались просто так. Как будто в шестьдесят пять сердце превращается в бомбу замедленного действия. Если не инфаркт, то, наверное, инсульт или какая-нибудь аневризма. Как будто это не Роджер пробегал каждый день пять миль и выглядел на двадцать лет моложе. Уж мне ли не знать.

Она передала мне вымытую тарелку, которую я вытер полотенцем. Я ответил:

— Ты же понимаешь, что...

— Они намекают, что его вымотал наш брак?

— Нет,— сказал я, хотя доля правды в ее словах все же была. Вероника Кройдон познакомилась с будущим мужем в магистратуре: она была младше Роджера почти на сорок лет и моложе его сына от первого брака.

— Нет,— повторил я, поставив тарелку в сервант.— Я хотел сказать, что сердечный приступ может случиться в любом возрасте.

— Может,— согласилась Вероника,— но не в этом случае. Если бы ты только слышал, как все об этом говорят: понижают голос, будто собираются начать разговор на деликатную тему – о нашей сексуальной жизни,— и, знаешь, в каком-то смысле так и есть. Они не знают границ.

— Но их я еще могу стерпеть,— продолжила она, передавая мне следующую тарелку.— Хуже только те, кто прямо заявляет, что Роджер «не иначе как ушел к другой». Семьдесят процентов считают, что он вернулся к Джоан, оставшиеся тридцать – что нашел кого-то помоложе. Как будто никто не знает, что на момент нашей встречи Роджер с Джоан уже давно жили как соседи; как будто это не она из кожи вон лезла, чтобы расстроить наши отношения; как будто не было развода, и как будто каждый из них не жил своей жизнью. Ты знаком с ней? Ты ее хоть видел? Конечно, видел и знаешь. Роджер никогда бы не променял меня на *это*. Стало быть, кто-нибудь помоложе? Я тебя умоляю! Как будто его привлекал только возраст; будто у него был фетиш, как у какого-нибудь похотливого старика.

Признаться, подобные мысли приходили в голову и мне, и моей жене, Энн. Да и не только нам: так, полагаю, думал весь факультет английского языка университета штата Нью-Йорк на Стэйтен-Айленд; так думали все, кто знал Роджера Кройдона. Услышав

эти версии из уст Вероники, я, однако, почувствовал себя виноватым. За то время, за все полтора года, что прошли после исчезновения Роджера, мы не поддерживали с Вероникой никакой связи; не писали электронных писем, а что уж говорить об открытках или о звонках по телефону. Мы не говорили с ней, но говорили о ней — друг с другом, с друзьями,— обсуждали возможные причины исчезновения ее мужа — и те, что она перечислила, и другие, более причудливые. Что, если он вступил в секту? А может, перешел дорогу наркоторговцам? Или потерял рассудок, и его тайно упекли в дурдом? Подобные пересуды не утихали месяцами и обязательно всплывали в любой компании; и пусть я испытывал к подобным разговорам неприязнь, но все же активно в них участвовал. Конечно, с Вероникой было сложно найти общий язык, и легче было говорить о ней, а не с ней, но теперь это представлялось мне крайне шатким оправданием. Поставив очередную тарелку на гору ее предшественниц, я сказал:

— Понимаешь, Роджер стал таким... непредсказуемым. После того, как убили Теда.

Услышав имя своего покойного пасынка, Вероника замерла и устремила взгляд в окно над раковиной, по локоть погрузив руки в мыльную воду. Тьма ночи и свет кухонных ламп превратили стеклянную поверхность в зеркало, и Вероника видела только свое отражение: длинные рыжие волосы, убранные в хвост, резко очерченные косметикой скулы (хотя ужин проводился в довольно узком кругу: приглашены были

